ДѢДУШКА БУГРОВЪ.

Всякому вѣдомо, что изъ простолюдиновъ нашихъ выходятъ иногда замѣчательные люди, самородки, ничѣмъ не обязанные воспитанію своему, ученію и образованію, и крайне жаль, что мы обращаемъ на это слишкомъ мало вниманія — въ чемъ себя укоряетъ и пишущій строки эти, вспоминая иногда выходящаго изъ ряду вонъ нижегородскаго удѣльнаго крестьянина, Семеновскаго уѣзда, Петра Егоровича Бугрова, извѣстнаго въ послѣдніе годы жизни своей во всемъ городѣ подъ именемъ *дѣдушки*. Скажемъ объ немъ однакоже хотя то, что еще осталось въ памяти, дошедши нѣкогда до насъ отрывками.

Не мудрено, если человѣкъ, сызмала окруженный заботами объ укорененіи въ душѣ его правды, человѣкъ наставляемый и просвѣщаемый нравственно и научно, не мудрено коли такой человѣкъ выростетъ въ

ясныхъ понятіяхъ о долгѣ своемъ и обязанностяхъ, и сдѣлается честнымъ, полезнымъ гражданиномъ, не мудрено, коли изъ него выйдетъ брату братъ, государю слуга, Богу свѣча; но если человѣкъ самъ собою, безъ всякихъ пособій, даже безъ помощи грамоты, даже не будучи самоучкой, дойдетъ до высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, то невольно преклоняешься передъ высшимъ земнымъ созданіемъ Божіимъ и съ жалостію и негодованіемъ глядишь на буйство безумія и невѣрія. Развѣ не очевидно послѣ этого, что всѣ зачатки двойственнаго духовнаго начала человѣка, умственныя и нравственныя, спятъ въ созданіи этомъ какъ зародышъ кедра въ маломъ зернѣ, и могутъ быть заморены, могутъ погибнуть, или выйдти на Божій свѣтъ, возрости, и красоваться во всемъ божественномъ блескѣ своемъ?

Петруху балалаечника помнили купцы старожилы, или прикащики ихъ, какъ бойкаго, но трезваго и смирнаго бурлака, который являлся на пристани еще до

прилета жаворонковъ, какъ только ледъ на Волгѣ начиналъ синѣть, а мѣстами по синевѣ выказывались черныя гряды и кучи. Кромѣ ложки и лямки, въ мѣшкѣ за плечами у него была балалайка; судовщики пріятельски привѣчали приземистаго, кряжистаго голыша, съ песчаной и болотистой почвы этой части Заволжья, гдѣ земля не кормитъ дѣтей своихъ хлѣбомъ, и откуда щепенный товаръ, ложки и чашки, ставцы и складни идутъ на всю Русь. Смекнувъ скоро, что промыселъ соленосцевъ, хоть и тяжелъ, да выгоднѣе простаго бурлачества, онъ перешелъ къ этому дѣлу, и нѣсколько лѣтъ сряду лѣтовалъ подъ горой у соляныхъ складовъ, у разгрузки и нагрузки судовъ, таская на могутныхъ плечахъ своихъ четырехпудовые мѣшки, по зыбкой кладкѣ съ пристани на барку. Свернувшись однажды и полетѣвъ подъ ношей своею въ воду, онъ сильно расшибся, и сверхъ того нѣсколько дней сряду таскалъ мѣшки даромъ, отрабатывая утрату размокшей соли.

Но вскорѣ Бугровъ опять самъ догадался, что даже и кряжистому и плечистому мужику выгоднѣе работать смысломъ своимъ чѣмъ спиною, или по крайности прилагать къ дѣлу и разумъ свой, а не одни плеча; Богъ указалъ пчелѣ соты строить, говаривалъ онъ, и не станетъ она землю копать и въ навозѣ рыться, какъ жукъ: коли далъ Богъ человѣку умъ, такъ надо работать и имъ. Онъ пошелъ, не то въ корщики, лоцмана, не то въ водоливы, или въ прикащики, вѣрно не знаю, но сталъ ходить со сплавомъ соли; затѣмъ вошелъ въ долю, потомъ спустилъ и свою барочку, и сталъ промышлять на свою руку. Наконецъ, продолжая держать суда и заведя даже свою коноводку, онъ сталъ торговать хлѣбомъ и сталъ брать подряды.

Вступивъ въ подряды, онъ очень скоро сталъ извѣстенъ своими особенностями, коими заслужилъ уваженіе многихъ и сильную непріязнь иныхъ: онъ былъ исполнителенъ, добросовѣстенъ и точенъ въ дѣлахъ своихъ, и этимъ умѣлъ избѣгать всякихъ придирокъ и даже предлоговъ къ

нимъ, но за то терпѣть не могъ крупныхъ взятокъ и поборовъ, приносящихъ другимъ подрядчикамъ огромные выгоды; никогда онъ не шелъ напередъ на такія сдѣлки, никогда не входилъ въ стачки, никогда не бралъ слазовъ и отсталаго, а любилъ являться на торги внезапно, нежданно, даже прямо на переторжку, гдѣ чрезъ это былъ полнымъ хозяиномъ своего дѣла, независимымъ и чуждымъ всѣмъ предварительнымъ сдѣлкамъ. «Казну окрадывать — народъ окрадывать, говаривалъ онъ, на томъ свѣтѣ къ отвѣту поставятъ супротивъ несмѣтной толпы — что отвѣчать будемъ?»

Семеновская волость платила подрядчику своему, за починку дорогъ, гатей и мостовъ, ежегодно по двѣ тысячи рублей; новый начальникъ позвалъ Бугрова, поговорилъ съ нимъ, и тотъ, по обычаю своему, помолчавъ, потрепавъ себѣ бороду и кивнувъ головой, коротко отвѣчалъ: хорошо, ладно, дѣло доброе — зови на торги, тамъ поглядимъ. На торгахъ, онъ повинность эту съ двухъ тысячъ сбилъ

на семьсотъ — и взялъ ее за эту цѣну тотъ же, прежній подрядчикъ!

— Баринъ, не хорошо дѣло это, не годится, сказалъ онъ однажды пріемщику подрядной постройки, который думалъ, что тотъ принесъ требуемыя за пріемку не малыя деньги, и потому принялъ его глазъ–на–глазъ.

— Что тебѣ не нравится?

— Да не хорошо наше дѣло дѣлается, такъ не пойдетъ оно.

— А мнѣ что до этого? твоя забота, не моя; а ты все хочешь на фу–фу?

— Нѣтъ, баринъ, ты меня послушай: на фу–фу я не дѣлаю, а дѣлаю такъ, чтобъ было хорошо; вотъ потому–то у насъ съ тобой дѣло–то и не вяжется: что ты правишь съ меня, то положено у меня въ стѣну да въ стрѣху, отдать–то и нечего; ты послушай меня: правду знаешь? любишь правду? ты повѣрь, она скажетъ, отъ нея не уйдешь, худо будетъ; я работалъ, а ты гулялъ; свои зароботки тебѣ отдать, да еще приплатиться — гдѣ она тутъ, правда–то? А я что ѣсть стану?

— А зачѣмъ ты лѣзъ въ это дѣло, съ боку припека, кто тебя совалъ?

— Я не лѣзъ, баринъ, я стоялъ у стѣнки съ прочими, да еще и позади ихъ, я стоялъ, по указу государеву, на своемъ мѣстѣ; я отвѣчалъ на спросъ, при зерцалѣ, за что взялся, то исполнилъ, а въ чемъ ряду не было, о томъ и рѣчей нѣтъ. Ты меня послушай: ты толкъ и силу и цѣны самъ знаешь, ты взгляни на строеніе, на свою совѣсть, для себя, ты забудь это на часъ, что взять надо, а покайся разокъ правдѣ — взгляни, чего дѣло стоитъ, да тогда уже дай волю себѣ, именно, много–ль тутъ съ добычи моей отдать можно; ну, тебѣ надо было ходить и по подваламъ, и по подволокамъ, глядѣть, считать, хлопотать — за это спасибо, и возьми вотъ, за труды эти, что отдать можно; а взять у рабочаго, убогаго человѣка, кто кости ломалъ на этомъ дѣлѣ, да отнявъ у него, отдать тебѣ — этого нельзя; ты меня послушай: возьми вотъ, что отдать можно, и Богъ съ тобой, коли грѣха не боишься, а нѣтъ, такъ шуму будетъ много, а корысти мало:

ославишься, не хорошо, а правда таки свое возьметъ.

Все это говорилъ онъ такъ тихо и кротко, такъ разсудительно и убѣдительно, что неволею заставлялъ слушать себя и подконецъ уступать. Въ другой разъ, когда губернаторъ призвалъ его, убѣждая идти на торги, отъ коихъ Петръ Егорычъ было, по стачкѣ подрядчиковъ, уклонился, онъ, почесавшись и подержавъ бороду въ кулакѣ, отвѣчалъ: «коли такъ, то ты скажи мнѣ, ваше превосходительство, какъ мнѣ быть, ты научи меня напередъ, чтобъ оглядки не было: казну ли обокрасть, чиновниковъ ли обмануть, аль на себя поступиться, свое посадить?» — «По совѣсти дѣлай,» сказалъ тотъ. « — А коли такая ряда наша будетъ, отвѣчалъ Петръ Егорычъ, взглянувъ на него острыми умными глазами, немного исподлобья, — такъ вѣдь я зачураю, ты у меня помни слово свое — этого на торгахъ не вырядишь, а ужь мы съ тобой про то знать будемъ: изволь, возьму и сдѣлаю!»

Подробностей, какъ онъ шелъ впередъ и наживался, не знаю, могу только разказать нѣсколько особенныхъ случаевъ и сослаться на весь Нижній, гдѣ, я чаю, не найдется ни одного человѣка, который бы не помянулъ дѣдушку Бугрова добромъ, не назвалъ бы его честнымъ человѣкомъ и благодѣтелемъ народа. Поговорка его была: «такъ дѣлай, чтобъ тебѣ хорошо, а никому не худо».

На телячьемъ броду затонуло однажды нѣсколько барокъ кирпича, на огромную сумму, и несчастный хозяинъ въ одинъ часъ былъ раззоренъ въ пухъ; кромѣ неоплатныхъ убытковъ, его нудили тотчасъ же вынуть изъ воды и выгрузить кирпичъ, и убрать днища, кои запружали проходъ судамъ. Бугровъ купилъ кирпичъ за безцѣнокъ, но все–таки за большія деньги, перепаузилъ его быстро, пустилъ въ Нижнемъ съ огромною выгодой на постройки свои и въ продажу, а по выручкѣ, молча подѣлился съ раззореннымъ плавщикомъ барышами. Кощунствуя въ избыткѣ признательности

своей, тотъ сказалъ: «И самъ Богъ не сдѣлалъ для меня того, что сдѣлалъ Петръ Егоровичъ Бугровъ!» — «Не городи зря, отвѣчалъ этотъ, не хорошо, говори: Богъ велѣлъ пособить, а Бугровъ послушался Его!»

Берегъ Волги, отъ Кремля внизъ, нынѣ весь обстроенный пароходными пристанями, былъ дикъ, въ неприступныхъ оврагахъ и обрывахъ въ десятки саженъ; государь Николай Павловичъ, бывъ въ Нижнемъ, повелѣлъ обратить его въ ровный откосъ, засадить деревьями и сдѣлать спуски и дороги: работъ было на милліоны. Все шло хорошо, но одна часть откоса, ближайшая къ Кремлю, обильная ключами, никакъ не поддавалась уровню ученыхъ строителей и каждую весну снова осѣдала, съѣзжая къ Волгѣ и образуя новыя трещины, овраги и обрывы. Нѣсколько лѣтъ бились съ этою упорною толщей, упрятали въ ней много денегъ, а успѣху никакого. Тогда вздумали свалить эту бѣду съ плечъ своихъ, отдавъ работу подрядомъ, съ отвѣтомъ подрядчика на восемь лѣтъ.

Никто не пожелалъ взяться за такое темное опасное дѣло, гдѣ можно посадить и самое огромное состоянiе. Бугровъ взялся. Онъ нагналъ вдругъ тысячу рабочихъ — а все Заволжье, по одному слову его, всегда готово было явиться въ Нижнiй — поднялъ всю толщу переворочанной земли, на десятки саженъ, гдѣ по глиняному пласту струились во множествѣ обильные родники, покрылъ весь просторъ этотъ сплошнымъ накатомъ бревенъ, по направленiю ската ключей, накаталъ сверхъ еще другой и третiй сплошной рядъ бревенъ, поперекъ и опять вдоль исподняго ряда — засыпалъ рѣжу эту землей, сдѣлалъ и сгладилъ откосъ, который стоитъ и по сей день.

Въ годину ополченiя, Бугровъ сослужилъ большую службу на людей и на царя. Кто былъ близокъ этому дѣлу, тотъ помнитъ какъ трудно было въ короткiй срокъ выставить большой обозъ на десять дружинъ, по образцу, и стало быть весь вновь построенный, а къ нему и однобразную упряжь, и наконецъ нѣсколько сотъ лошадей; гдѣ ихъ взять

вдругъ? на мѣстѣ ихъ нѣтъ — послать скупать у крестьянъ, по всей губерніи, накупятъ всякой дряни — куда ихъ дѣвать и на кого послѣ положить убытокъ? Чѣмъ ихъ замѣнить, при той поспѣшности, съ какою дѣло дѣлалось? Петръ Егоровичъ взялъ это на себя, въ три дня открылъ телѣжную мастерскую въ манежѣ, а на дому у себя шорную, отправилъ въ тотъ же день сына своего, Александра Петровича, въ Мензелинскъ, и еще на какую–то ярмарку, и отвѣчалъ на всѣ опасенія и сомнѣнія, что–де далеко, и много времени пропадетъ: «за то мы покончимъ его въ одинъ разъ, я пригоню тысячу коней къ сроку, и выбирай; а здѣсь станемъ колотиться, выпрягая клячъ изъ сохи да изъ бороны, и наживемъ себѣ бѣду; будьте покойны, къ сроку поставлю, а я помру, такъ Алексашка пригонитъ, не бойтесь»; и нижегородскій обозъ былъ одинъ изъ лучшихъ въ ополченіи.

До конца жизни своей онъ оставался тѣмъ же смурымъ мужикомъ, разъѣзжалъ по городу сидя бокомъ на долгихъ дрогахъ

и свѣсивъ ноги; онъ не хотѣлъ выходить изъ своего сословія, держалъ дворъ и домъ въ своей родной деревнѣ, Поповой, хотя самъ жилъ съ умною старухой своею, женой, въ Нижнемъ, жилъ по дѣламъ и подрядамъ своимъ и при лабазѣ; онъ держалъ нѣсколько водяныхъ мельницъ на оброкѣ и желѣзорѣзный заводъ, безропотно оплачивая міромъ положенныя на него 18 тяглъ! Земля въ этихъ мѣстахъ ничего не стоитъ, и онъ предоставлялъ оплачиваемую имъ, кромѣ своего тягловаго участка, бѣднѣйшимъ крестьянамъ. Привозя въ городъ оброкъ и подушныя съ волости, голова всегда заѣзжалъ напередъ къ Бугрову и безотказно бралъ 200, 300 рублей, коихъ не успѣлъ собрать, и много изъ этихъ денегъ засѣло за волостью навсегда: ни на это, ни на другое что, онъ жалобъ никогда не приносилъ. Мнѣ лично извѣстны были до 15–ти человѣкъ, выкупленныхъ имъ изъ солдатства; каждый изъ нихъ стоилъ ему не менѣе 800 рублей и заклинался всѣми святыми, что отслужитъ ему эти деньги; человѣка три изъ нихъ

сдержали свое слово, остались вѣрнѣйшими слугами его — остальные спились съ кругу, были имъ отосланы, или сами ушли, и онъ даже не поминалъ объ нихъ: «ихъ воля, говаривалъ онъ, я свое дѣло сдѣлалъ, а они какъ знаютъ; передъ Богомъ будемъ отвѣчать всякъ самъ за себя, тамъ на міру чай круговой поруки нѣтъ!»

На такъ–называемый крестьянскій банкъ онъ не далъ ни гроша, понявъ сразу, что изъ этого учрежденія ничего не выйдетъ; а напримѣръ на основаніе нерушимаго истиника, для вспоможенія ростами бѣднымъ крестьянамъ, внимательно выслушавъ весь уставъ, внесъ тысячу рублей.

«Деньгу грѣшно держать въ сундукѣ, говаривалъ онъ, — надо пускать ее, чтобы народъ ею кормился; она въ одинъ день семерыхъ обойдетъ и выручитъ, а въ сундукѣ она тлѣнъ.» Гдѣ онъ считалъ нужнымъ помочь кому, тамъ давалъ, для оборота, изрядныя деньги, и всегда тихо, молча и на–слово; сколько разъ ни обманывали его, онъ отъ этого не

измѣнялся, а говорилъ только: «Что жь, Богъ съ нимъ, не я его обидѣлъ, онъ самъ себя обидѣлъ!»

Петръ Егоровичъ терпѣть не могъ, чтобы какое–нибудь дѣло за нимъ стояло, чтобы кто его дожидался; онъ свято берегся, чтобы никто на него не попенялъ. Разчеты съ сотнями рабочихъ были у него въ субботу вечеромъ, и тутъ толпа за толпой валила къ нему въ домъ, на нижній базаръ, зная, что въ канцеляріи дѣдушки, то–есть въ головѣ его, готовъ былъ разчетъ каждому, а въ большой деревянной чашкѣ открыто стояло на готовѣ и казначейство хозяина. Разоблачась, онъ съ чашкой этой залѣзалъ на печь, а народъ толпился въ избѣ и подходя получалъ разчетъ. И здѣсь умѣлъ онъ соблюдать чинность и порядокъ: зря не входили, а вызывались артелями, напередъ каменщики, тамъ плотники, маляры, кровельщики, и наконецъ земляники, и золотая чаша постепенно порожнѣла.

— Ну что ты лобъ–то крестомъ чешешь, сказалъ онъ однажды сыну, а народъ стоитъ на дворѣ, да ждетъ!

— Да вѣдь ты видишь, отецъ, что я на молитвѣ стою, дай напередъ Богу началъ положить!

— Богъ терпѣливъ, не взыщетъ, Алексаша, Ему, что часомъ раньше, что позже, все одно; а ты пожалѣй народъ, разчитай да отпусти, имъ еще въ баню сходить надо, иной за тебя помолится, Богъ черезъ нихъ дастъ тебѣ то, чего самъ и не вымолишь!

Петръ Егоровичъ, какъ изъ этого уже видно, былъ раскольникъ, какъ большая часть этого Заволожья. Между чиновниками удѣльной конторы, куда тотъ часто приходилъ по дѣламъ, были прежніе семинаристы, кои охотно съ нимъ бесѣдовали и старались его обратить на путь истины. Онъ добродушно выслушивалъ ихъ, а потомъ просилъ объяснить ему, въ чемъ же состоитъ разница между его вѣрой и ихнею. Выслушавъ и это, частію догматическое,

частію обрядливое толкованіе, онъ отвѣчалъ:

— Да вѣдь я–то самъ, я все тотъ же буду, хоть такъ стану креститься, хоть эдакъ, вѣдь ужь я, каковъ есть, таковъ и буду, все ту же грѣшную душу Богу въ отвѣтъ понесу, а вѣдь Богъ–то съ меня чай дѣла спроситъ, ты помнишь, что Спаситель говорилъ, Богъ дѣла спроситъ, а не спроситъ: ты какъ алилуйю пѣлъ, какъ персты складывалъ? А ты скажи мнѣ какой законъ у тебя, какъ жить–то надо!

Горячо принимались тѣ толковать ему поученія евангельскія, старикъ слушалъ спокойно, внимательно, и заканчивая словами: «хорошо говоришь, а вотъ я погляжу, какъ дѣлать станешь», уходилъ.

Однажды новый губернаторъ, человѣкъ ученый и глубоко свѣдущій въ дѣлахъ вѣры, приласкалъ Петра Егоровича, пустился съ этимъ замѣчательно умнымъ старикомъ въ бесѣду, и вдругъ спросилъ его прямо:

— Скажи, пожалуста, Бугровъ, говорятъ, будто ты раскольникъ, правда это?

— Правда.

— Я дивлюсь этому, познакомясь съ тобой ближе, я узналъ такого почтеннаго, умнаго старика, какъ же это такъ?

— По Божьей волѣ.

— Какъ это?

— Кто въ какой вѣрѣ родился, въ той и умираетъ.

— Раскажи жь мнѣ, пожалуста, какая жь твоя вѣра?

— Моя вѣра, а моя вѣра вотъ какая: идешь, либо ѣдешь, глядишь, мужикъ по дорогѣ съ возомъ въ канаву попалъ, вотъ, что ты рыть–то приказываешь, ну, какъ быть, надо свое дѣло покинуть, надо подскочить пособить; вотъ моя вѣра какая!

— Хороша твоя вѣра, отвѣчалъ тотъ, и болѣе объ этомъ не поминалъ.

Въ началѣ одной изъ нижегородскихъ ярмарокъ пошелъ гулъ по городу о нехорошемъ дѣлѣ: полторы сотни тряпичницъ, называвшихъ себя краснорядками, потому что онѣ торговали платчишками и крестьянскими ситцами, переведены были вдаль, къ Сибирской

пристани, а на ихъ мѣсто пущены шорники. Молва прошла, что дѣло это не чисто, и объ немъ толковали, приплетая множество подробностей, кои довольно трудно было бы придумать. Слухъ, какъ видно, дошелъ и до губернатора, и тѣмъ болѣе его тревожилъ, что вскорѣ ждали царя. Желая разузнать попрямѣе, что это за толки, и правда ли, что и его имя было тутъ сильно замѣшано, губернаторъ попытался было поговорить съ нѣкоторыми изъ служащихъ, а тамъ и изъ купцовъ, но получалъ только уклончивые отвѣты; никто не считалъ полезнымъ вступаться въ дѣло, которое до него лично не касалось, по которому надо было высказать весьма не лестные для губернатора отзывы, и все это по однимъ только сплетнямъ и пересудамъ, передавая то, что люди говорятъ. Подумавъ, губернаторъ послалъ за Бугровымъ, обласкалъ его, увелъ къ себѣ въ комнату, бесѣдовалъ, будто совѣтуясь по нѣкоторымъ ярмарочнымъ дѣламъ, и наконецъ приступилъ къ нему прямо.

— Скажи–де мнѣ, что говорятъ объ этомъ дѣлѣ, о переводѣ шорниковъ, въ народѣ? Ты–де старикъ умный, ты понимаешь, что мнѣ надо это знать; коли меня всѣ станутъ обманывать, такъ я вѣдь и знать не могу, чего хотятъ и что мнѣ должно дѣлать.

— Обманывать тебя, ваше превосходительство, я не стану, отвѣчалъ тотъ, — а что сказать, не знаю; вѣдь молчокъ не обманъ, а меня при томъ дѣлѣ не было: народъ оретъ, мало ли что вретъ? Всего макомъ не посѣешь.

— Я вотъ объ этомъ–то и прошу тебя, Петръ Егоровичъ, скажи мнѣ все, все до чиста, что же объ этомъ говорятъ?

— Да что говорятъ, вѣдь народъ глупъ, мелетъ зря.

— Нужды нѣтъ, Петръ Егоровичъ, говори прямо: правда ли, будто директоръ взялъ съ шорниковъ тысячу рублей?

— Тысячу рублей, нѣтъ, этого не слыхалъ; а народъ говоритъ, будто ты, ваше превосходительство, взялъ съ нихъ четыреста рублей, а уже послѣ этого и

директоръ взялъ восемьсотъ; вотъ что говорятъ.

— Какъ, я взялъ? Какъ же это можетъ быть, чтобъ я взялъ. Я ничего не бралъ, а они пожертвовали на пріюты четыреста рублей! Деньги эти тогда же записаны сполна на приходъ по пріютамъ и сданы туда.

— Да ужь тамъ, куда расписаны деньги по книгамъ, мы до этого не доходимъ, народъ глупъ, онъ этого не разбираетъ; а дѣло въ томъ, говорятъ, ты взялъ напередъ четыреста, а онъ послѣ взялъ восемьсотъ; коли правда, что ты взялъ, ну, такъ стало–быть и онъ взялъ; а коли ты не бралъ, ну, такъ стало–быть врутъ, и онъ не бралъ.

— Это однако прискорбно, коли общій голосъ такъ неосновательно судитъ; шорники захотѣли сдѣлать доброе дѣло, внесли деньги на пріюты, какъ же мнѣ было не принять ихъ?

— Ужь коли заставилъ ты меня говорить, ваше превосходительство, такъ надо договаривать; люди говорятъ вотъ что: шорники принесли директору тысячу

рублей, дай–де намъ мѣсто поближе, вотъ хоть бабъ–то этихъ да отставныхъ солдатишекъ торгашей выведи, мы выстроимъ хорошіе балаганы, и ряды эти станутъ показистѣе; тотъ было протянулъ руку, да и призадумался; нѣтъ, говоритъ, такъ нельзя, братцы, опасно, а вы подите–ка напередъ къ губернатору, онъ охотникъ на пріюты собирать, да ему поклонитесь; коли онъ приметъ, такъ тогда приходите. Вотъ они, тебя–то задобривъ, и пришли къ нему, и поднесли остальные шестьсотъ, а онъ было не сталъ брать, подай всю тысячу, однако сошлись на томъ, что грѣхъ пополамъ, взялъ восемьсотъ, доложилъ тебѣ, какъ слѣдуетъ, что–де отъ этого красота ярмарки будетъ, и сдѣлалъ по–ихнему. А дѣло–то не годится, ваше превосходительство, ты меня послушай: вѣдь это мироносицы, съ ними ты что будешь дѣлать? Вѣдь полтораста бабъ за рѣшеткой во всю ярмарку не продержишь, а онѣ такъ вотъ всѣмъ міромъ царю въ ноги упадутъ, безпремѣнно, и проѣзду не дадутъ, такъ подъ лошадей и кинутся, тогда

ты что станешь дѣлать? Ихъ за что сбили съ мѣста, онѣ тутъ сидятъ споконъ–вѣку; кому шорники нужны, тотъ найдетъ ихъ, не минуетъ, а у этихъ вѣдь толчокъ, имъ надо сидѣть на юру, ты мнѣ повѣрь, я правду говорю, ихъ не угомонишь ничѣмъ, поди–вонъ какъ вопятъ: всѣ въ одно слово, пойдемъ къ царю!

И мироносицы, какъ ихъ назвалъ Петръ Егоровичъ, были обращены опять на старое мѣсто свое, а директоръ уволенъ.

Скончалась хозяйка у Бугрова, съ которою онъ прожилъ мирно и любовно гораздо за полвѣка, и дѣдушка повезъ ее хоронить въ свою деревню Попову, за Волгу. Въ первомъ же селѣ по пути священникъ въ облаченіи вышелъ на встрѣчу съ крестомъ; нѣсколько старыхъ изувѣровъ, бывшихъ при поѣздѣ, зароптали было, но Бугровъ ихъ остановилъ.

— Не троньте, всѣ мы одни христіане, всѣ братья; мы молимся своимъ обычаемъ, онъ своимъ, а Богъ и Христосъ у насъ одинъ. И эта встрѣча повторилась и въ прочихъ селахъ.

Въ теченіе года послѣ этого старикъ вдругъ сильно одряхлѣлъ. Увидавъ его и поговоривъ съ нимъ, я посовѣтовалъ ему отдохнуть, поменьше заниматься хлопотливыми дѣлами.

— А ты думаешь, я изъ корысти нынѣ дѣла веду? Мнѣ на что? Я давно вонъ гляжу, и съ собой ничего не унесу; а съ сына будетъ и того, что есть; да нельзя отъ дѣлъ отстать, народа жаль; вѣдь около меня кормится тысячи двѣ человѣкъ, какъ я покину ихъ?

Однако вскорѣ послѣ этого прислалъ онъ ко мнѣ вѣсть на словахъ: «Скажи барину, что дѣдушка помиратъ поѣхалъ.» Онъ все сдалъ сыну, уѣхалъ въ свою деревеньку, садилъ тамъ садъ и ковырялъ лапти, подковыривая ихъ, для прочности, ремнями изъ ширы, кожи съ цыбиковъ, и вмѣстѣ съ подаяніемъ, раздавалъ эти лапти нищимъ. Онъ еще разъ прислалъ мнѣ съ однимъ крестьяниномъ поклонъ и обѣщанье прислать на прощанье пару своихъ лаптей, но вслѣдъ за тѣмъ скончался.